

18+

Варвара Гагарская



# ЖИВЫЕ СОРОКИ

странные сказки

# Варвара Гагарская

## Живые сороки.

### Странные сказки

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=55850011](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55850011)*

*ISBN 9785449864994*

#### **Аннотация**

«Все грамотно написанные рассказы на нашем конкурсе, почти по Льву Толстому, счастливы одинаково. Нет той языковой затейливости, что делает произведение оригинальным и более ценным. Здесь следует отметить и похвалить приятным исключением автора из Екатеринбурга Варвару Гагарскую. Для своих сказок она подобрала живой интересный стиль, и, что самое главное, сумела выдержать его в течение всего повествования. Не у всех это получается». А. Музалёв, Международный конкурс одного рассказа LITER-RM

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| От автора                         | 5  |
| Аришша                            | 7  |
| Чесночное рыльце                  | 13 |
| Про кикимору                      | 20 |
| Трусы-невидимки                   | 25 |
| Волосатые ладошки                 | 29 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 32 |

# Живые сороки Странные сказки

## Варвара Гагарская

*Рисунок на обложке* Наталья Столбова

*Иллюстратор* Екатерина Городенская

*Корректор* Александра Ковалкина

*Редактор* Драчкова Екатерина, Умных Алёна

© Варвара Гагарская, 2020

© Екатерина Городенская, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-6499-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# От автора

*Посвящается моим бабушке и дедушке*

В детстве у меня была довольно скучная жизнь и чрезвычайно бурная фантазия. Когда серые будни накрывали с головой, срочно хотелось расцветить этот мир яркими историями. Часть из них оставалась в голове, за остальное мне хорошо попадало по заднице ремнём.

История про «Великую Китайскую стену местного радиозавода, за которой самый настоящий Китай» – одна из самых безобидных, потому что в неё верила только моя младшая сестра. А ведь были такие лихо закрученные сюжеты, от которых полгорода на ушах стояло. Потом я стояла в углу. Не просто так стояла – придумывала новое развлечение.

Выслушивая очередную мою бредовую историю, дед радостно восклицал: «Да у неё живые сороки из жопы летят!» Эта фигура речи меня всегда забавляла и, конечно же, не могла не найти своё сказочное воплощение. В общем, с возрастом это не прошло, но теперь уже сороки летят не наугад шрапнелью, я их пытаюсь дрессировать. Посмотрим, что получится.

Все эти события наверняка произошли на Урале, аккурат

в знаменитых лесах между Екатеринбургом, Челябинском и Пермью. Ну, а где же ещё? Урал и по сей день дарит миру столько альтернативно занимательных людей, что земля дрожит.

Наслаждайтесь. Или как получится.

# Аришша

У.А.А.

Стало быть, к ней можно было и не заходить в гости, потому как бессмысленно. Но шрамы и язвы иногда все же заглядывали в этот дом, опасливо прячась за занавесь или под половицы. А что толку хаживать? Ожоги посмеивались над горе-родственниками среднего умишка, но и сами не гнушались прогуляться пару-тройку раз мимо окна, обстановку вынюхивая провалившимися носами. А прекрасно понимали оне бесполезность походов этих и, не особо тяжко вздыхая и сопя, разворачивались до боле несчастного дома. Этот же, стоящий на отшибе, с кажным днем все меньше интересовал не только хвори, но и деревенских, а в окрестности его если и заплутали, так оно по ошибке – за подорожником, да когда папорот косили, али мухоморов на зиму засушить, иль цапля когда проворная... И быстро уносили ноги апосля. Так что хворобам безногим и вовсе идтить бестолково – порог почеломкать да в обрат возврататься. Так что ежели какая пакость и забегала к Аришше изредка, так то уж давно-давным было, и помнить перестала, и виды позабыла, а как звать— так отродясь не знала. Хороша была девица Аришша, ничего не скажешь! Слюной поперхнешься да волос заешь! С трех годков одна жила в хате, да на отшибе,

а ни кошки, ни собаки, ни другой какой животины не имела, стал быть – без помощников жила. По голове погладить некого, против шерсти прижучить – опять никого, в клюв розовый росинку маковую – обратно некому, так вот любовь свою неохватную на себя лишь и растратила – взрастила красаву! А чего бы нет? Болезнь никакая ее не трогала отродясь, да уж и путь почти забыла. Бывало, горшок со штыми рукой голой из печи – само то! Или вот опять же в дождь мракобесный по грибы – так хоть бы что! Нож ее не режет, температура – улицу греет, мозоли на крышу переселились, ожоги уж и рядом не проходят. Грыжа вот пупок развязать пыталась – запуталась, заревела, кой как вызволили, сердешную.

Так Аришша и жила – болей никаких не чуяла, кровушки не видывала, кашлюшки не слыхивала, томленьями не волновалась, задумками не забавлялась, ох-вздохами не баловалась. Жила – свиристела: мало пила, много ела, чаще спала, звонче пела. Птицу рукой ловила, солью солила, репу пекла, речкой текла, горя не знала годочков немало. Готовила и вправду хорошо да лепо – суп рукой мешала, рукой лепешки доставала, а самое любимое да хорошее блюдо ее – студень было. А и вправду хорош – прозрачен да наварист, на солнце так и переливается! Заламывала Аришша на ярмарке за студень тот цену хорошую, однако разу не было, чтоб хотя кусочек остался – подметали метлой будто. А кругляши медяные ей на что были? А ни на что. Вот и приносили девке за холодец кто во что горазд – хлеб да сало, уголь,

соль опять же. А бусами или кружевом каким она не брала – никчemuшность, говорила, бестолковая. А кто бы раз подумал, из чего девка студень варит, коль ни скотинки, ни животинки не держит, а уж порося в три версты и на ярмонке обходит. Дело то оно, конечно, простое было: наковыряет с пяток старья разного – кожу там, еще чего, для навару еще ногу в котел сунет. Вот и выходит знатен холодец. И чесноку, чтоб, значицца, дух пряный отбить, поболе, травок каких опять же. Но... не знали селяне рецептик, за милу душу уплетали, сердешно за вкусность благодарили. А что Аришша? Ничего, и сама ела – вкусно ж! Жила – не счастливо, не несчастливо, старухи жалели участливо, женихи заглядывались, да обрат побаивались.

Вышло на ту пору, в ярмарку последнюю, приехать заезжему молодцу – попробовать холодцу. Тот молодец ус поглаживал, возле девицы кренделем похаживал, красны бусы подарил да и студень весь купил. Девица плечьми пожала, губки алые поджала и... до хаты побежала, будто кто ее ужалил. Дак не ведала девица, что Гормон – велика птица! Молодец был не дурак, с местными и так и сяк: что, мол, за девица-краса? И продает что, кроме холодца? Токмо селяне шарахались от него, двух слов опять же не связали, девки от злости, что не их заприметил заезжий удалец, бусы рвали да в подолы сморкались, а парни – так вроде сам не ам, та и другим не дам! Помыкался малость, плюнул и уж на коня вскочил молодец, как за штанину потянул его малой чума-

зый, направление на хату указал, много не попросил – за ус подержать. Поехал красавец, под охи да вздохи, к избе Аришшиной.

На хуторе в то время боги знают, что творилось! Охи да вздохи, занавеси колышет, заслонка не задвинута... Сидит Аришша у окна и дышит часто – одной рукой бусы из боярышника сухого мастерит, другой – морковкой щеки трет. Увидала молодца ярмарочного, выронила овощи, на крыльцо побежала, ножкою дебелий за порожек зацепилась, вскрикнула... На ту пору пробежали мимо синяки да порезы – любопытничали, что за гость к нелюдимой пожаловал – остолбенели! Вскрикнула!! Больно Аришше, вестимо? Бывало ли такое, умунепостижимое? Встали синяки в стойку охотничью, порезы ноздрями повели, добычу чужа. Картинка пасторальная: молодец с коня сошел, ус покручивает, с девицею пошучивает... А та ножкою дебелий за порожек зацепилась, вскрикнула, упала... да и нос расшибила в кровь! На бедрышке сахарном синячина расплылся, сидит Аришша тюком да диву дается – чтой такое с ней? Подниматься стала, за гвоздь рукою зацепила – клочок с мясом вырвала. Остолбенело глядел удалец заезжий, как ладони Аришшины струпья покрывают, как шрамы на ноги кладутся узорно, шишки грибами на голове растут – руки не подал, побрезговал. С гримаскою неприличной на коня вскочил да и видали! Тем временем хвори да болезни со всей округи стягивались на окраину села пир пировать да девицу мордовать. Ох

и отыгрались за все семнадцать годков, которые их Арриша голодом морила – всё вернули, до царапинки, да разом все! А ведь, знамо дело, что в дом, стоящий на отшибе, из деревенских никто не хаживал, а когда осенью в окрестности его если и заплутал кто, так оно по ошибке – за подорожником, да когда папорот косили, али мухоморов на зиму засушить, иль цапля когда проворна. Так и незнамо дело, нашел ли кто хладну да от плесени пушисту мертвицу, которая от хворобы лютой прям на крыльце сидючи и померла....



## Чесночное рыльце

Долго сопротивлялась девка в гости к родичам в дальнюю деревню идти, чего она там не видала – те же лужи да горбыль. Про «они ж нам как есть семья родненькая» всю макушку проклевали, да толку мало. Ить правда, одна деревня от другой мало чем отличается, а Ветка девка молодая да румяная, писаная красавица, тут бы в город, да кто ж там ждет. Уж и уговаривали, и пугали, и подарки сулили... Ветка, конечно, была девка с придурью – просто так ее ничо сделать не заставишь, а вот ежели на спор али из вредности – дак это пожалуйста! До последнего пойдет, упрется рогом, но сделает, даже и себе в убыток. А уж на слабо чегой токмо не вытворяла девица! Пораздумывали батька с мамкой да и вытащили последний козырь: в деревне той дальней парень есть росту немеряного, сильный да смелый. Много ишло всякого рассказали про того молодца, что и франт первейший, аж с городу ему наряды возят, не беден, видать, что и первый красавец во всей стороне – залюбуешься, только хмурый больно и шибко себя любит – ни одна девица не смогла сквозь те брови насупленные пробиться. Тут уж, конечно, стало Ветке дело интересное, да больше принципиальное, что это за гусь такой выше девок-красавиц себя ставит, недостойные, мол. Собралась, вопчем, наконец-то в путь-дорогу неблизкую.

Родичи встретили, само собою, радостно – пирогов на-

стряпали, киселей наварили, сразу видать, что о фигуре девичьей им заботы нет. Разговоров полный дом, что у их там интересного, урожаи нынче какие да кто как свеклу по-новому морозить научился, а Ветке до этого дела никак нет – вроде как и хочется про молодца интересного узнать, а вроде как и неудобно спрашивать оттакот, без повода. Сидит, значитца, ушами хлопает, шшоки надула, отвечает чегой-то невтопад, а сама мыслит: «Надыть гулять пойти! Деревня небольшая, глядишь, встречу парня. А там уж с моею красою и зазнакомлюсь – все потеха будет, а не с этими портянниками дома киснуть».

Сказано – сделано. От родственничков так просто не увильнешь, так девка придумала, что нужно на ручей за водою идти, коромысло хватъ и только пятки сверкнули. Пошла Ветка по деревне вальяжно, с одного конца на другой прогуливаться. С коромыслом. Вёдра-то забыла, коромысло на плечах болтается, надавило да натёрло, но девка туда-сюда ходит – деревенски детишки уж пальцем тычут и в кулак смеются, а ей и дела нет – любопытство печёт паче жара. Вроде все высматривала, в разны стороны головой крутила, ажно шея затекла, а все ж проглядела, откуда красавец выплыл – нос к носу столкнулась с ним и обомлела! Высокий, статный, шевелюра смоляная, глаза с поволокой, губы что малина – хоть щас срывай, рубаха на ём расшитая, под нею мускулы так и играют.... Впрочем, дух у девки перехватило да в горле пересохло.

Ветка, коварница, вроде всего три секунды в его сторону посмотрела, а уж в голове план шибко хитрый составила, в улыбке расплылась, приосанилась – коромысло только сбрыкало, и говорит с придыхом: «День-то жаркий сегодня, самое то в ручье плескаться. Страшновато только через лес одной идти, может, думаю, парень какой не из боязливых компанию составит – а тут и ты на пути...»

Ничего ей красавец не ответил, только брови нахмурил да лицо больно недовольное сделал, справа обошел и аккурат в обратную сторону потопал. Ну как потопал – поплыл лодочкой, залюбуешься. Ничего Ветка не поняла в таком поведении, насупилась тоже, коромысло подобрала и к родичам в дом. Тетенька ее и так спрашивала, и сяк – ничо понять не может, отчего девица злая сидит да от еды отказывается. А тут мелкий из сынков как раз и говорит:

– Матушка, а Ветка у нас с ума сошла – весь день с пустым коромыслом по деревне шастала, а потом и вовсе с Шитом заговорить пыталась!

Тут уж девка не сдержалась и рассказала все – что пряниками ее по гостям не заманишь, чего она тут у вас не видала, лавок ваших нешкуренных, чтоль. Это ж если новенькое что – так можно и прогуляться. А чегой у вас тут может быть растакого? Вроде вот парень один на всю деревню симпатичный – да и тот ведет себя аки царь, посмотреть приятно да токмо издалека, поросёнок некультурный! Такая красавица его на ручей позвала – а он даже слова не сказал! Ишь, гор-

дый какой! Ну, я ему завтра...

А тетушка и молвит:

– Да и ни к чему тебе болтать с ним. Эта ж остолопина и дня не рабатывал, откуда к коровке подойти не знает, все одно – морду свою бережет от солнца да утюги вверх-вниз руками тягает, уж скоро в рукава не влезет. Ему вон городские девицы какие подношения присылают – рубахи да пояса заморские, яства всякие модные, а он все равно ни с кем не говорит, рожу загадочную сделает – а девки так и млеют да еще больше подарков ташут. Не нашей он грядки ягода – куда тебе за таким угнаться!

Но Ветка не из тех была, чтоб руки без дела опускать. Уж больно азартная! Стала размышлять да придумывать, чем бы эдаким Шита того к себе расположить. Эка невидаль – красавец! Она и сама не из дурнушек, чтоб на дороге стороной обходить. Разведала, где дом молодца, да стала по утрам подглядывать, чем тот занимается: а он и правда утюги тягает, от прямо вверх да вниз! Рубаху сымет и, срамник, в одних портах физкультурною занимается. Девки местные забор к обеду облепляли – зрелище занятное. И вроде как зачем Ветке этот красавчик, ежели от нее нос воротит?

Но решила девка тот нос утереть и вроде как тому молодцу самой отказать, мол, не больно-то и хотелось. А и правда – на кой он ей такой, головою малость стукнутый? Ну как завтра горшки с кашею с печи сгребёт и во двор – вместо утюгов тягать? Опять, дело непонятное – каков из такого де-

тинушки жених получится? Ведь ежели всю силушку в огороде на утюгах выкладывать, ночью на полатях тока храпака его и слушать? Нет, решила Ветка, ей такие радости вовсе ни к чему. А вот проучить из чувства вредности – дело святое!

Ить чего задумала девка, так то делать и начала. Наглядела, значитца, поляну возле Шитового дома, притащила из избы всякого хламья и давай по утрам то кадушки от груди жать, то через прялку прыгать повыше – внимание привлекать.

Дня через три Шит начал на поляну поглядывать из-за забора, а Ветка и рада стараться – то одно схватит, то другое, а сама глазом косит – идет аль нет. Вдруг, как лист перед травой, встал парень перед девкой, она и заметить не успела. Улыбнулся шибко широко и говорит ей:

– Неправильно ты кадушку держишь, покалечишься.

А Ветке в тот момент дурно стало – побелела ажно до позеленения лица. Поняла она тута, почему первый красавец деревни на отшибе живет, в город не рвется да и не общается ни с кем – духовище у него изо рта шибко сильное, вроде как чесноком гнилым...

В обморок грохнуть пыталась, чтоб только он с нею говорить боле не вздумал – да как-то некультурно показалось, вот и терпела, пока красавчик ей показывал, как утюг держать, да чем оглобля хороша в упражнениях.

На другой день уж девка на поляну не пошла, на кой ей тот красавчик вонючий. Скупаться вроде как собралась, в тёт-

кин двор-то выходит, а там вдруг Шит! Попятилась, было, назад на крыльцо, да поздно, тот уж её заметил да снова в улыбке расплылся. «Верно, – говорит, – делаешь. Упражняться лучше по-разному. А коль водные процедуры на сегодня намечены, так я тебе и покажу, чегой да как делать правильно». Взбледнула Ветка от запаху неминуемого, да делать неча – некультурно вроде как отказывать. Поплелись на реку, значитца. Одно хорошо – не из болтливых парень оказался! От когда молчит да дело делает – цены ж ему нет! Девка, бывает, залюбуется картинкой, забудется да как спросит чегой-то, а потом сама же тошноту и подавляет.

Ну день, ну другой, куды Ветка не пойдёт – туды и Шит за нею хвостом. Дядька вон велел рухлядь домашнюю с поляны на место вернуть, так ухажёр за полчаса, мышщой играючи, всё перетащил. Глазом моргнуть не успели. От так и повелось с тех пор, ни шагу один без другого не ступит.

Решила девка-красавица, вопчем, позорно бежать. Мол, честь пора знать, в гостях хорошо – да дома лучше, и на всякий случай тайно попросилась попутчицей в ночную телегу, чтоб, дело такое, по темноте улизнуть. Наверняка чтоб. Да не тут-то было! То ли рассказал хто кому, то ли деревня махонькая шибко... Запрыгнула Ветка в телегу – а там Шит с узелком сидит, улыбается широко. Ойкнула девка, с телеги мигом спрыгнула, а тот за ей. А чего тут поделаешь? Вздохнула она тяжёленько да позволила ухажёру её в телегу бережно да ласково посадить.

Что там с ними дальше было апосля тех упражнений – неизвестно, старая история больно. Но бабки сказывали, будто не отлипал Шит от Ветки с той поры, пришлось ей пробки в ноздри вставить – хоть и обидное это, зато от бледности лица спасает.

# Про кикимору

В деревне одной кикимора проживала. Ну, натуральная такая, страшная, зелёная, в бородавках да тине болотной. Но при доме ютилась, пообвыклась к людям, в погребе картошку от крыс стерегла. А молодая еще нечисть была, пытливая, незамужняя, всё её чегой-то в народ тянуло, мир поглядеть. Бывалоче, спрячется да подсматривает – кто чего делает, кто как одет, едят чего. Но это в доме всё, там ить одни и те же люди, а хотелось ей большего увидеть. Вот как-то раз решила кикимора выйти из дому да поглядывать потихоньку за забор. Кикиморы они такие ведь – ежели надо, так и чем угодно прикинуться могут. От и наша поначалу частоколом постояла с неделку, апосля кустиком полежала. Тока неприятное это дело вышло – псы деревенские так и норовят лапу у забору задрать аль травки какой слюнявой пастью пощипать. Кикимора наша вроде как гаркнет на их тихохонько, да ить так долго нельзя – уж почитай половина деревенских шавок заикаться со страху начала. Пыталась, было, фартуком хозяйкиным мир глядеть, так опять больше двух дней не сдюжила. Больно щёкотно оказалось! Ну, всёжтаки, то мышью, то кошью, то коромыслом, по деревне пошаталась, насмотрелась на всяких там и начала потихоньку перекидываться в бабу. Не сразу получилось, конечно, но вот ежели по ночам незаметно выходить, то огрехи не шибко за-

метны. А день ото дня результат уж лучше был – у той глаза красивые подглядела, от енттой формы соблазнительные позаимствовала, с третьей ноги срисовала, у четвёртой возраст юный да трепетный взяла. В опчем, рано аль поздно, а морок у кикиморы получился самый что ни на есть отличный.

Приняла, значитца, человеческое обличье кикимушка и пошла уж дальше в деревню смотреть, чем народ живёт-промышляет. Идёт, никого не трогат – а люди дивятся: откель такая красота писаная в деревне взялась? А и правильно – она ж от каждой бабы самое лучшее запомнила, картинка получилася зачудительная. Мужики-то шеи сворачивают вслед, бабы зубами скрежещут, а та и не замечает – ей вона интересно, как снопы вяжут, да как белье стирают. А уж для чего в маленькую избёнку ненадолго уединяются – тем паче, там ить и полежать явно негде. Короче говоря, стала кикимора потихоньку в свет выходить, пусть ненадолго – зато уж каждый день. Осмелела, ишь ты.

Деревня на ухах вся, конечно. Кто такая? Где живёт? К кому приехала? Мальчишки, было, выследить её взялися, да толку чуть – вроде как будто тока перед глазами была, а от раз – и тока моргай, нет нигде девки. Неделю у края деревни её след теряли да так и решили – поди к лесорубам приехала, дочья чья-то. В енто лето много мужиков с других деревень пришло, живут вона в лесу в сторожке, по деревням хаживать некогда. А ента фифа, гляди-ка, вроде как по батюшке соскучилася, а сама из деревни соседней не вы-

лезает. Уж не жениха ли явилась приискать? А ежели так, то это дело нехитрое.

Мужики ж они похлеще баб сплетни собирают. Сами придумали – сами и поверили, да давай местному красавчику на ухо нащёптывать, что вон какая девица появилась из себя вся – ни имя никто не знает, ни откуда. Но по деревне шатается регулярно да на всё с интересом глядит, будто высматривает кого. «Уж не меня ли ищет? – приосанился Жуп. – Так взглянуть надо на эку невидаль!» А это и недолго, глянуть-то. Заприметили деревенские, с какой стороны лесу чаще появляется девица, там и встали, семечки поплёвывают, баечки потравливают лениво. Вдруг выплывает из-за поворота пава: грудь высокая, бока крутые, коса ниже пояса, румянец во всю щёку да глаз с поволокой. День ото дня хорошеет! Разве можно упустить такую?! Жуп грудь колесом выгнул, дорогу перегородил: «Куда да откуда девица путь держишь? Голова у тебя не покрыта, а солнце так и печёт – не опасешься ли?»

А кикимора стоит да улыбается – как же ей с человеком заговорить, голос-то скрипучий, сразу неладное почует. Голову наклонила, плавненько Жупа обошла да и дальше по дороге. Парень опять обгоняет, ласковые слова стелет – та улыбается да улыбается. Так и ушел, не солоно хлебамши. Ну, думает, не на другой день так на третий я эту недотрогу пивом угощу.

Кикиморе-то до человеческих особей дела мало, от как мы-

ло варят – ей антересно. Ложки, опять же, как тачают. А мужики как-то так. У их, у кикимор, поди и устроено всё по-иному, хто знат. Недельку, значитца, другую, потаскался Жуп за красою, а та на него внимания ноль, сама всё боле у работного люда трётся: то возле кузнеца, а то три дня за каменщиком наблюдение вела, всё вона молча пальчиком перетрогала, весь струмент. Другой бы раз дак ремесленники шикнули уже да прогнали взашей, а перед красавицей неместной млеют вроде как, улыбочка дурная да слова поперёк не скажут – на, мол, жамкай чего угодно, не жалко. Но Жуп свое дело тоже знал – не зря же первый парень на деревне. Делать-то он толком ничего не умел, тока мордой симпатичной светил да пиво пил отменно. Другой вон наберётся да ведёт себя некрасиво, а у его морда хоть и пьяная, да всё одно симпатичная.

Приметил Жуп, что девка-красавица уж больно ко всему тянется да верит шибко в рассказы. Шатко-валко, но уболтал девку хоть пива с ним выпить. Мол, научу тебя ентому делу непростому, а то как же так – пиво пить не уметь? Привёл, значитца, зазнобу свою на сеновал – будто пиво тока так и пьют вот (а она ж кикимора, ей и дела нет до подозрений), сидят, улыбаются да тока девка молчит всё, уж вроде и странно как-то... Но у парня-то финишная прямая – то на него и глазу не поворачивали, а то сидит тут, смотрит с любопытством, плечиком покатым поводит. А что молчит – так мало ли, может, с детства немая. Там ить не говорить главное,

в ихних-то делах.

В опчем, налил Жуп пива имбирного по кружкам, да еще и самогону подмешал – уж чтоб наверняка. Девка понюхала, поморщилась, но парень так уж улыбался да пивко прихлёбывал – вкусно, мол, что и та глоточком приложилась. Нечисть ить хмельного не пьет, так уж спокон веков повелось, хлопнула кикимора немного – да от шока с нее весь морок и слетел разом...

Жуп увидал, кто перед ним на самом деле, да как пукнет! Кикимора сразу поняла, конечно, что личина рассыпалась – и дёру. Ей какое дело – обратно в свой подпол, там спокойнее. А парень с тех пор так и жил – как увидит дюже красивую бабу, так пукать начинает. Со того страху везде ему теперь кикиморы мерещились. Жалко парня, смазливый был, а вот поди ж ты как вышло.

# Трусы-невидимки

Наповадилась девка трусы на леву сторону надевать. Разница какая? Никакой. А выворачивать – лень. Так и пошло у ей, что день через день – так порты навывороток. И все бы ничего, но вот стала замечать девка странности разные всякия, а особливо ежели вчерась тетки метлами погонят али сын крестьянский за зад щипнет, дак на сегодня вроде и малышня мимо пройдет – не задразнит, и хозяйка стирать не пошлет на мутную реку. А пряников, наоборот, даст. С квасом. Чтоб пучило. Но это уж назавтра будет, ить хозяйка без вредностей не может, ей енто по должности положено. Даве, опять девица заметила, морковку потырила у бабки на базаре – не одернули, крику не устроили и по шеям не наклали. Осмелела деваха, да там же, у прилавка бабкиного, моркву ету и захрумкала. Дак ить ни-ни! Та и слова не сказамши, будто так и надо – овощ краденый не отходя кушать. Смекнула тут она, што неспроста ето, што дело явно в трусах...

И пошла-поехала канитель! Девка-то не на радуется, все ить теперича можно: козью каку в жбан квасной кинуть у всего базара на глазах, бабке-беломорке в кислу капусту стекла толченого насовать, соплю опять же об какой матерьял дорогой обтереть. Да мало ли развлечений на базаре, когда за руку не схватят! Так вона всё девка и глумилась по-

ди ж с неделю, да притомилася – уж и придумок не осталось как деревенским грязнить.

А в ту пору местные уж и задумываться начали – что за невидаль навалилась, откель холеру принесло? Все уразуметь не могли, какой леший пакостить настропалился. Вроде как и дозоры наставили, так опять же свои все ходют мимо, ан нет – все равно какая пакость да и вылезет. Терпежу уж никакого, а тута еще надумал первый парень на деревне жениться. Ну, конечно, пьянка-гулянка, то да се, жених важный прогуливается, рубаха в пятахах, руки в карманы закладывает важно. Который то раз он руку в зепь сунул, побледнел маленько, потом позеленел однако, руку-то достает – а рука в говне! Что пошло тута! Крики, перемат, дрекольё полетело. Смекнули, что лешего среди девок искать надо – кто ж еще в отместку за свадебку говна в карман насует. Искали вроде, всех обнюхали – нет как нет шутника.

А девка наша на то время домой побежала – шутку веселую пошутила, дак можно и трусы уж на правильную сторону выворачивать да с народом потешаться да веселье веселить. На гулянку-то прискакала, а тут ее и обнюхали! Учюали, что от нее говнецом попахивает, а навроде как никто и не видал ее с женихастым вряд. Спрашивают – та не признается, конечно. Жених от зеленого отошел маненько и предложил девку к дереву привязать да говном обмазать – пускай, мол, мухи таперича потешатся. Старики тута опять же смекаль стали, что вроде как во время поганых проделок вся де-

ревня на виду была – а вот енту девку никто не видал. Наверде как и не стояло её рядом, но явно тута чегой-то не того. А чего – сами понять не могут.

Решили пытаться ответу от нее самой, а что делать? Пером гусиным вооружилися и вперед. А какая девка щекотки не боится? То-то. От и выложила всё, все тайны свои, проделки все рассказала. Дак оказалось, что и на котов списывали – тож рука ейная была. Народ-то в деревне хоть горячий да отходчивый: пощекотали, конечно, поиздевались маенько – а как же без того, да трусы показательно на голову девке и нахлобучили. Знай, мол, куды да как натягивать.



# Волосатые ладошки

Вроде как и не видать никого, а все одно: казалось девчатам, будто кто за ними подглядывает во время купания. Ведь чего токмо не делали: и уходили на купальни не гурьбой, а парочками, и разными дорогами, и в разны места – а тока чувство тяжелого взгляда ажно на спине проступало. Решились тогда девицы позвать на помощь ведьму из соседнего села – небось, увидит, ежли колдовство какое наведено.

Ведьма в той деревне оказалась знатная – молодая, высокая да стройная красавица с копной рыжих волос. Таким, что называецца, палец в рот не клади – зараз откусит. Отправились девки снова купаться всей громкой гурьбой, ведьму с собою взяли, а токмо разделись да в воду зашли – так опять будто взгляд на себе недобрый почуяли. Колдунья глаз прищурила да резвой кошкой из воды выхлестнулась, в три прыжка к кустам шасть и выволокла оттуда... дурачка местного, Скуню! Девки завизжали, конечно, поглубже в воду забрались, но больше для порядку – потому как дурачок был вовсе безобидный. А ведьма гриву распушила да прошипела: – Нравится за девками подглядывать? Будет тебе от них подарочек ответный!

Взяла да и плюнула парню в ладони, и прямо на глазах у изумленно застывших девиц из тех ладошек стали волосы расти. Скуня покраснел да и дал стрекача, а девицы с хохотом

том купание продолжили, прославляя рыжую ведьму песнями да плясками.

Долго ли, коротко ли, а скоро все село узнало, что у дурачка на ладошках волосы растут – длиииинные. И без того над ним потешались, а теперь уж совсем безудержное веселье началось – тока еще палочкой не тыкали в бок. Совсем парню житья не стало, на улицу не выйти – так и начал все больше дома сидеть, людей чураясь. А чем в доме дурачку заняться? Ежели по хозяйству чего – так это он тока ночью нынче, больно стыдно днём. Под луной таперича и за водой хаживал, и валежник собирал. Не больно-то от такого свету нарумянишься да законопатишься! В иные ночи так вопче возвращался Скуня с пустыми руками – это ежели удалец какой к зазнобе огородами пробирается, заметит дурочка и ну хохотать да пальцем показывать. А коли кто под хмельком дорогу домой подзабыл ночью, та не грех по пути дурачку и оплеуху отвесить.

Совсем загорюнился Скуня, почти уж перестал со двора выходить. А волосы на ладошках день ото дня всё растут да локонами уже спускаются. Пробовал, бывало, те волоса ножом отсекать – так ить ещё пущше прут, заразы! Да густые, да тяжёлые, да с завитком. . . . Чего ж парню делать с такую бедой? Стал Скуня потихоньку те ненавистные волосья в канаты свивать. Канат-то отрежешь – и вроде как в доме прибиток, и волос новый отрастает, хоть снова свивай чего. И вил, что делать. Тут ошибётся, там проскочит – глядишь, вроде

как и узор какой вышел. Дурак дураком, а смекнул молодец, что можно не только верёвки с мочалами из тех волос плести, а причёску каку наварганить. Вот нарежет длинных прядей с рук, сядет, один край волос поленцем прижмёт, другой теребит да путает. Всё б хорошо, да на ладошках поросль мешала сильно! То приплетётся к какой кральке, то посередине запутается, то прищемится где. Плюнет Скуня, ну его – а ить скушно так сидеть. Рано ли, поздно ли, а догадался дурачок, что можно и у себя прям на ладошкиных волосьях тренироваться. Тут уж раздолье – удобно да близко! Хошь лёжа плести, хошь сидя, хошь одной рукой – а хошь и другой. И так он на энто дело настрополился, что чисто цирюльник!

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.